

Денис Лукьянов

СМЕХ
БЕССМЕРТНЫХ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л84

Иллюстрации на переплете художницы
LEVELVIOLET

Иллюстрация на форзаце художницы
Евгении Лукомской

Лукьянов, Денис Викторович.
Л84 Смех бессмертных / Денис Лукьянов. — Мо-
сква : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-211473-1

Одна картина, рисунок на которой постоянно дви-
жется...

Один профессор, одержимый идеей найти Гипербо-
рею...

Один бог, который сводит его с ума.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Лукьянов Д., текст, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-211473-1

**СМЕХ
БЕССМЕРТНЫХ**

*Дорогой Ане –
за любовь и тепло*

*Ты – солнце,
ты – нежность, ты – ромашки*

А в вечности, видишь ли, времени
нет; вечность — это всего-навсего
мгновенье, которого как раз и хват-
ает на шутку.

Герман Гессе

В конечном счете, все, что оста-
ется от нас, — это легенды, наше
посмертное существование сво-
дится к нескольким полузабытым
историям.

Салман Рушди

Говорят, что в руинах храмов Крита, среди бирюзовых мозаичных дельфинов и керамических осколков, нашли аккуратно выдолбленную в стене надпись, подобную дельфийской максиме, так поражавшей прихожан в древнем святилище Аполлона. Надпись эта вызвала десятки споров среди археологов, теологов и философов; сама по себе безобидная, она подкосила научное сообщество подписью, — подписью явно выдуманной, подобной фантомным динозаврам Акамбаро*.

Эта надпись — словно обрывок притчи, но не христианской и не мусульманской, не иудейской и не критомикенской. И надпись эта выглядит так:

*«Лишь зеркало твое,
потерянное отражение
Дионис Распятый»*

* Имеются в виду более тысячи глиняных фигурок (среди которых были динозавры), найденный в Мексике. Завалось, что эта находка принадлежит древней культуре Чупикуаро — что «доказывало» взаимодействие человека с динозаврами, — однако вскоре было выяснено, что фигурки — новодел, созданный местными жителями.

Часть 1

ГРЕЦИОН В ЕГО ЛАБИРИНТЕ

Он слышал, как снаружи, на другом конце света, стрекотание сверчка становится все тише, пока совсем не смолкло; как время и расстояние входят внутрь его существа, вырастая в нем в новые и простые понятия, вычеркивая из сознания материальный мир, физический и мучительный, заполненный насекомыми и терпким запахом фиалок и формальдегида.

Габриэль Гарсиа Маркес

О город, твое имя существует, но сам ты был уничтожен!

Шумерский «Плач по Уриму»

ХУДОЖНИК

Вы наверняка слышали о профессоре Греционе Родосском... Талантливый филолог и культуролог, он был моим другом и мечтал отыскать, как он говорил, алмазные ключи от врат вечности; да, он был моим другом, пока земля не разверзлась под его ногами — простите мою слабость к цитатам и Салману Рушди, — оставив меня наедине с ворохом событий, воспоминания о которых вызывают нестерпимую боль. Нет, не подумайте, он жив и даже относительно

ДЕНИС ЛУКЪЯНОВ

здоров, но вряд ли захочет говорить с кем-либо, кроме меня и своего отражения. Он, некогда *worse than nicotine* — вызывающий пагубное пристрастие к своей персоне, — теперь видит мир исключительно в серых тонах: это не метафора, нет! Врачи, однажды поставившие ему диагноз, в этот раз оказались бессильны; врачи, самые элитные, обитающие в начищенных до блеска кабинетах храмов-небоскребов сияющего Олимпа, лишь пожимали печами и все как один диагностировали «изменения структуры зрачка», но не могли объяснить причин, назначить лечение, предсказать ход болезни. Поседели пуще прежнего его волосы, глубже стали морщины, а ум, некогда острый, как хирургический нож в анатомическом театре позолоченного возрождения, притупился, покрылся ржавчиной сомнений. Он стал похож на одного из тех блаженных, что обитают под сенью Волшебной Горы. Вот только его хворь — совсем не туберкулез. Зараза иного рода. Позвольте стать вашим Вергилием, *вашим преданным секстантом*, и провести через эти бесчисленные круги стремительных событий, безумной спиралью ведущие к заледенелому озеру; там вместо льда — умершие надежды.

бог

кстоякстоякстояк?

СМЕХ БЕССМЕРТНЫХ

профессор

Он, обнаженный, с широко открытыми глазами, лежит в целебных водах ванны после горькой коричневой микстуры, такой едкой, что обжигает язык; он лежит на поверхности воды как человек, уже не принадлежащий этому миру; лежит, а сквозь виски прорезается предательская голубая трава, *голубая трава, что поет, голубая трава, что крушит железо и его кости.*

Профессору Грециону Родосскому кажется, что он утонул.

Из колонки — компактной модной музыкальной станции, — льются гипнотизирующие звуки флейты; в воде — все прописанные врачами травы и лекарства: и хвойные экстракты, и дубовые листья, и шалфей, и лаванда, и даже горькая полынь; еще — десятки препаратов с витиеватыми, как древние заклинания, названиями, и бесконечными, как вереница боевых колесниц, составами и побочными эффектами.

Разум омывают воды подсознания. Приходит дрема, полная образов мутных, как запотевшее стекло. Вереница их тянется седым туманом, свитым из сотен душ; тянется в сторону страшного суда разорванных солнц: вот Геродот, вот Александр, вот Хидр, вот Понсе де Леон... Охотники за вечностью, за Источником, они шагают к краю пропасти, испивают из золотых чаш и захлебываются отчего-то черными, солеными живитель-

ДЕНИС ЛУКЪЯНОВ

ными водами; постепенно сходит на нет дыхание, но память о них — плотный дым — вдруг вспыхивает божественно-золотым. А они захлебываются, захлебываются, захлебываются, воздуха все меньше, меньше, меньше...

Будильник пронзает его парисовой стрелой. Грецион просыпается, сплевывает воду. Молча усмехается: чуть не утонул в собственной ванне.

Он грезит о вечности, ищет ее с тех пор, как врачи поставили страшный диагноз, с тех пор, как сказали, что к сорока тело его изношено, будто к семидесяти, с тех пор, как признали легкую седину не баловством генетики, а мольбой организма о помощи... Грецион Родосский поднимается, мокрой рукой отключает будильник — со второго раза, сенсор не реагирует на холодные призрачные касания, — берет махровое полотенце и вытирает голову. Вспоминает вереницу фигур, его верных спутников, личных евангелистов на дороге к Источнику, поросшей терновником, чертополохом и голубой травой боли: Геродот, Александр, Хидр, Понсе де Леон... Грецион вспоминает и усмехается, теперь вслух: глупцы, вот кто они! Глупцы, искавшие способ сделать вечным тело, душу, иногда — и то, и то одновременно. Вечность ли это? Едва ли. Дорога к бездне, в темноте которой теряется все и вся. Но он знает секрет. Вечность — не в водах Источника. Вечность — в нектаре памяти.

СМЕХ БЕССМЕРТНЫХ

Пока живо имя, жив человек. Но разве есть у него другие спутники? Нет. Грецион неустанно доказывал это — и продолжает доказывать, — всем друзьям и коллегам, всем врагам и доброжелателям. Чтобы отыскать золото нибелунгов и выжить, сперва нужно сохранить свое имя, несущее отпечаток памяти, в веках. Сделать так, чтобы шоу всегда продолжалось, принести людям огонь или просто зажечь лампочный свет в их домах — неважно. С тех пор как он испытал гибель сотен миров, твердит это при каждом удобном случае: на открытых лекциях, в командировках, на ученых советах и во время дружеских посиделок с гитарой. Как мудры, вновь думает Грецион сейчас, выключая гипнотическую флейту, кутаясь в полотенце и смотрясь в запотевшее зеркало, были древние египтяне: запутали всех витиеватым языком магических трактатов, на деле твердящих лишь одно — сохрани имя свое, сохрани память о себе. Похороненные в пучине забвения, верные дети нильской долины однажды явились миру вновь, и память о них живет, и они, никогда не касавшиеся иссохшими губами живой воды Источника, вечны, вечны, вечны...

Пока греется чайник — Грецион не любит электрические, всегда кипятит на газу, — он собирается: брюки, ремень, глупая футболка с героями Looney Tunes и строгий пиджак. Достает маленькую бутылку рома из холодильника, добавляет чайную ложку в кружку. Туда же — две

ДЕНИС ЛУКЪЯНОВ

чайные ложки растворимого кофе, не забывает и немного корицы. Сверяется с часами — не опаздывает, но лучше поторопиться. Почти залпом выпивает кофе, надевает куртку, ботинки, кутается в шарф и покидает квартиру. На улице — хозяйка-зима: деревья в снежных кристаллах, небо чистое, солнце уставшее, состарившееся, но все равно яркое. Грецион не любит зиму; нет, *ненавидит*. Ненавидит так, как не ненавидят даже святые отцы-фанатики всякое проявление зла, всякий намек на торжество врага рода людского. Грецион быстрее вскакивает в голубой трамвай — как удачно вышел, не пришлось ждать, — и тот мчится темной крылатой бурей, оставляет на рельсах огненную дорожку, теряется в бездне времен, пока Грецион сидит, опустив голову: не смотрит ни на пассажиров, ни в окно. В наушниках флейта сменяется гусями, гусли — бас-гитарой, бас-гитара — ритмичными барабанами. Играют Catharsis, Мельница, Марко Поло, Джоконда; играют Бах, Верди и Вагнер, потом — пьянящий Оффенбах; играет вся его жизнь. Остановка, вторая, третья — *кажется, трамвай несется по трем мостам через Неву, Нил и Сену*, — четвертая, пятая, шестая. Наконец Грецион выходит, и *нет никаких вывесок с кровью налитыми буквами*, только припорошенные снегом улицы и люди, снующие около университета: студенты с заспанными глазами — он узнает своих, — опаздывающие на работу взрослые и также школьники, еще

СМЕХ БЕССМЕРТНЫХ

ощущающие волшебство наступившего Нового года. За университетским порогом поджидают всевозможные многоголовые и многохвостые бюрократические чудовища, дети матери-Ехидны: регистрация на научную конференцию, куда Грецион боялся опоздать, десятки подписей в отчетах и ведомостях, утверждения планов занятий...

Он здоровается с коллегами и студентами, улыбается, а на душе ни горестно, ни сладостно. Никак. Пусто. Лишь с началом конференции, когда он включает планшет со шпаргалками — костылями для памяти, как научили говорить жестокосердная бабка с дедом в детстве, — внутри что-то закипает. Волнение? Отчего же, нет. Сомнение? Неоткуда ему взяться. Страх? Пожалуй, да.

Конференция для избранных: без студентов, сплошь старшие преподаватели, доценты, доктора наук, съехавшиеся из разных городов в гости к царю Салтану. Такие же парадные, с гордыми лицами. Когда-то он блистал среди них и вместо шитых золотом кафтанов щеголял в глаженных пиджаках из сетевых магазинов, и все дворяне да бояре науки улыбались ему, клали руки на плечи, как старому другу, смеялись, потом приглашали скромно выпить чаю с пирогами и печеньем, а вечером звали в рестораны, где вновь твердили о науке, но к финалу, когда приносили раздельный счет, темы уже были другие: молодость, сту-